

Сочинение участника Международного конкурса сочинений
«Без срока давности» 2025/26 учебного года
Рукописный вариант

Класс
Группа 113
Тематическое направление
Карательные операции, направленные на централизованное уничтожение мирного населения
Жанр сочинения
Дневник
Тема сочинения
Дневник немецкого солдата. «Я должен рассказать правду...»
<p>Эти тетради были переданы в музей анонимно в 1990-х годах. Их автор - Генрих Берг, рядовой 101-й охранной дивизии которой участвовал в «зачистках» на оккупированных территориях СССР. Текст публикуется как историческое свидетельство. Имена и географические названия сохранены.</p> <p>15 сентября 1941 года.</p> <p>Сегодня мы прибыли в эту страну. Она бесконечна. Пространство давит. Небо мрачное, серое. Деревни жмутся к земле, словно пытаются спрятаться. Жители смотрят на</p>

нас пустыми, уставшими мажками. Мы-завоеватели. Лейтенант зачитал нам приказ, из которого следовало, что эта местность — рассадник партизан, большевистское болото, которое нужно осушить. «Мы боремся не с армией, а с идеологией, — говорил он. — И носители ее — все, от стариков до детей». Его слова звучали так резко.

Я сейчас сижу в полуразрушенной школе, которую мы взяли под казармы. В классе на стене — детские рисунки: солнце, дома, деревья. Кто-то из наших сорвал их и бросил в печь. Я поднял один листок. На нем девочка нарисовала семью: мама, папа, маленькие детишки. Подписано: «Мы ждем папу». Я спрятал рисунок в карман.

Все спят, и я пишу это при свете копилки, пытаюсь унять дрожь в руке. Не от холода.

2 октября 1941 года. Близ села Г.

Сегодня была наша первая так называемая «акция». Мы получили приказ окружить деревню, которая, как сообщала разведка, помогала партизанам.

Я стою вместе с другими солдатами на периметре с винтовкой наготове. Из домов выгоняли людей — стариков в пальто, закутанных в платки женщин, которые крепко держали за руки своих малышек.

Их крики были похожи на тихий гамон-высокие, отрывистые, непонятные. Потом всех погнало в колонне «на переселение», как объявили через переводчика. Но я видел, что их повели к старому кирпичному заводу на окраине.

Мне стало плохо. Я отвернулся, сделав вид, что проверяю шнурки на ботинках. Рядом стоял старый слуга, обер-ефрейтор Мюллер. Он хрипло прошептал, не глядя на меня: «Ты малод еще, Берг. Думаешь, что мы ведем войну с благородными рыцарями? Это война на уничтожение. Привыкай, или синешь сам».

Я не видел самого процесса, но слышал звуки... Боже мой, что это за звуки! Они будут со мной вечно. Короткие команды на немецком языке. Поток непонятных, полных животного ужаса воплей. Затем - сучье, отрывистые очереди. Не такие, как в бою. Методичные, размеренные, как работа станка на фабрике. Потом - тишина. Настолько жуткая, что хотелось закричать самому, чтобы ее разорвать. Пахнет порохом и чем-то тяжелым, сладковатым. Воздух стал густым, и мне трудно дышать.

Вечером в столовой давали ужин. Все было тихо. Лейтенант был бледен, но держался. Сказал: «Выполнен приказ. Обезврежен потенциальный враг. Сегодня мы спас-

ли жизни немецких солдат". Кто-то громко засмеялся, нервно, истерично. Я не мог есть. В голове стучало: "Мирное население, старики, женщины, дети"...

30 октября 1941 года.

Мы не просто охраняем деревню. Мы - оружие. Конечно, есть специальные команды, "зондеркоманды". Но чаще всего именно мы выполняем их работу. Принцип прост: любое сопротивление - расстрел десяти за одного.

Сегодня был случай. Маленький белокурый мальчик выбежал на дорогу. Улыбнулся мне, показал деревянную лошадку. У меня тоже есть сын, Карл. Ему шесть. Я незаметно сунул мальчишке кусочек шоколада. Он схватил его грязной ручонкой и убежал.

Ветеран наше подразделение получил приказ уничтожить избу, которая была партизанским наблюдательным пунктом. Меня назначили в сопровождение. Из дома вышла женщина с каменным лицом, а за ней, цепляясь за юбку матери, испуганно топал тот самый мальчишка. Он увидел меня, улыбнулся, что-то замоготел. На его розовой щечке видны были следы шоколада. Я не мог отвернуться, только прикрыл глаза, чтобы не видеть всего этого.

Я просто физически чувствую, как что-то во мне рвется, ломается, покрывается ржав-

чиной. Как страшно... И самое ужасное - я начинаю понимать логику Мюллера. Что бы выжить здесь, в этой грязной, кровавой яме, нельзя быть человеком. Нужно стать винтиком. Без мыслей, без чувств. Но я знаю одно: я больше не хочу быть частью этой машины смерти.

Я помню, как в юности, ослепленный пропагандой, я маршировал по улицам Берлина, веря в великие Рейха. Лозы о «низших расах» отравили мою душу. Но чем дальше я нахожусь здесь, на этой проклятой земле, тем ястнее вижу весь ужас нашей идеологии. Голод, холод, смерть - вот что мы принесем сюда.

Я записываю все это не потому что хочу быть героем. Я надеюсь, что когда-нибудь кто-нибудь прочтет и скажет: «Он пошел».

5 декабря 1941 года. Мороз адский.

Сегодня мы получим приказ о ликвидации еврейского гетто в городе.

Несколько десятков стариков, женщин, детей согнаны на площадь. Длинные веревки людей с узлами. В глазах этих людей обреченность и пустота. Кто-то плачет и мамится. Один старик в длинном пальто и шляпе, похожей на профессора, пытается что-то сказать офицеру но чистым немецким

языке. Но тот ударил его прикладом по лицу. Звук был, как удар по сырому мясу.

Всех погрузили в грузовики с закрытыми кузовами. Сказали, что везут в лагерь. Но мне шепнули, что это не просто машины, а машины-«душелюбки». Внутри кузова у них выхлопные трубы... Я не хочу этому верить. Не может такого быть. Это же за гранью. Но разве то, что мы делаем, не за гранью? Где эта грань? Она стирается с каждым днем, как черта на снегу под сапогами ретв.

12 января 1942 года.

Я пишу режиссе. Что записывать? День похож на день. Мы превратились в марионеток. Приезжаем, окружаем, слоняем, ведем к оврагу, котловану, противотанковому рву. Команда. Очередь. Тишина. Иногда раненые выбиваются, их ловят и добивают.

Мы пьем. Старайся не смотреть друг другу в глаза.

Сны стали ужасны. Я вижу лица. Десятки, сотни лиц. Они молча смотрят на меня. И среди них — лица моих родных. Жена, Карл, мать. И я не могу объяснить им, что я здесь делаю. Я не могу объяснить это самому себе.

3 марта 1942 года.

Сегодня пришло письмо от Эльзы. Она

мешет, как Карл гордится своим отцом-солдатом, борцом с большевизмом. Он нарисовал меня с огромным железным крестом на груди. Я разорвал письмо. Потом собрал обрывки и спрятал. Как я могу быть его героем? Я - папаш. Мне стыдно быть немцем.

1 мая 1942 года.

Вчера случился инцидент. Молодой солдат, новобранец, недавно из Германии, отказался участвовать в расстреле. Он кри-

чал, что он не убийца женщин. Его скрутили, отправили в тыл. Говорят, будет трибунал. «Трусость перед лицом врага». Врага...?! Эти женщины и босоногие дети - враги?! Я стараюсь не думать об этом.

Этот случай всех напугал. Теперь мы понимаем: эта система не оставляет выбора. Ты или ее часть, или ее жертва. Далее если ты в немецкой форме.

20 июня 1942 года.

Я больше не чувствую ничего. Пустота. Я выполняю приказы механически. Я научился отключать мозг в нужный момент. Мы все этому научились. Мы обсекаем свою «работу» как лесозаготовку: обработали участок, зачистили участок. Я превратился в то, чего так боялся. Я - Мол-

пер. Я смотрю на мир через узкую щель, у меня одна задача: выжить, выполнить, забыть. Но забыть не получается. Иногда, в тишине, возникают образы. Образы дома, родных. Что с ними там? И ради чего все это?

Записки становятся редкими и отрывочными.

... 1943 год. Отступление.

Мы отступаем. Это всегда хуже, чем наступление. Страх, хаос, потери. Я вижу, как наши офицеры проявляют жестокость, как они топчут остатки человечности.

Теперь советские солдаты идут за нами по нашим же следам. И я с ужасом думаю: что они увидят? Опустевшие и сожженные деревни, рвы, которые мы засыпали известью. Они найдут это. И я понимаю их ненависть. Она законна. Если бы с моей страной сделали такое, я бы тоже горел жандармом мести. Иногда, в особо ясные моменты ужаса, я думаю: наверное, это будет справедливо, если они дойдут до Берлина. Справедливо, если Карл узнает правду. Но тут же гоню эти мысли прочь. Это измена. Но что есть измена? Измена чему? Государству, которое превратило меня в убийцу? Фюреру, который нас всех обманул? Он говорил о величии, а мы создали ад.

Последняя запись.

13 января 1945 года. Где-то в Восточной Пруссии. Они близко. Слышна канонада. Все рушится. Наш новый порядок оставил после себя только пепел и ненависть. И теперь эта ненависть колет нас. Я сижу в подвале чужого дома и пишу, чтобы оставить свидетельство. Не для оправдания. Его нет. Меня не поймут те, кто не был здесь. Скажут: «Ты мог отказаться». Да, мог... И быть расстрелянным. Большинство из нас выбрало путь трусов — спасти свою шкуру, убивая невиновных.

Мы не солдаты. Мы — соучастники преступления. Вся машина Рейха — от того, кто отдавал приказы в Берлине, до меня, рядового, стоявшего в окопах, — работала на одно, на уничтожение. Мы думаем, что омыли пространство. Но мы засеяли его такими страшными семенами, что пощечина уронами придется нашим детям.

Я пишу это, и мне кажется, я слышу те самые звуки — сухие, методичные очереди. Они теперь звучат внутри меня. Они будут звучать, пока я жив. А жить осталось немного. Русские не будут разбираться. И они будут правы.

Если кто-то найдет этот дневник... Я не

знаю, что вы подумаете. Проклянете или содрогнетесь. Просто знайте: это было. Все это... И делаем это не демоны, а люди. Обычные люди, которые позволили превратиться себя в инструмент смерти. Это самое страшное.

Я должен рассказать правду об этой войне, чтобы предупредить будущие поколения о страшной опасности Фашизма. Я должен...